

УДК-327.8

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-1-104-114

ЭВОЛЮЦИЯ НАРРАТИВОВ О МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЕ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СИ ЦЗИНЬПИНА В 2013–2024 ГОДАХ

А. А. Милькова

Милькова Анастасия Андреевна, аспирант Школы политических наук,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: a.milkova@hse.ru (ORCID: 0009-0004-4104-1412).

Аннотация

Статья посвящена стратегическим нарративам о международной системе во внешнеполитическом дискурсе Председателя КНР Си Цзиньпина. Анализ их эволюции позволил выявить возрастающую роль китайской политической мысли в формировании современного мирового порядка – темы, вызывающей большой академический и практический интерес. Цель работы – систематизация этапов и изучение смысловых трансформаций ключевых концептов в представленном китайским лидером видении международной системы, отражающем новые приоритеты Пекина в глобальном управлении и сотрудничестве. Проведенное исследование выявляет стратегическую динамику в официальных китайских нарративах: от первоначального акцента на глобалистский универсализм и взаимозависимость – к последовательному конструированию альтернативного Западу центра силы, основанного на специфических китайских политических ценностях и моделях. Этот сдвиг подчеркивает возрастающую роль китайской политической мысли в формировании представлений о современном и будущем мировом порядке, что представляет значительный академический и практический интерес. В заключении подчеркивается важность дальнейшего изучения особенностей конструирования официального дискурса Председателя КНР для понимания как внешнеполитического курса страны, так и его адаптации к меняющейся стратегической повестке в мире в целом.

Ключевые слова: Си Цзиньпин; внешняя политика; нарративы международной системы; глобальное управление; Китай; сообщество единой судьбы; дискурс-анализ.

Введение

Трансформация глобального порядка в начале XXI в., характеризующаяся кризисом либеральной модели мироустройства и становлением полицентричности, актуализировала исследование нарративных стратегий ключевых политических акторов. Внешнеполитический дискурс Председателя КНР в 2013–2024 гг. представляет собой особый исследовательский интерес как комплексный феномен, в рамках которого политический нарратив функционирует не только как инструмент репрезентации национальной идентичности, но и как активный механизм борьбы за смыслы и конструирование альтернативных западным моделям международной системы. Эта прогрессирующая «нарративизация», особенно рельефно проявляющаяся в англоязычном сегменте коммуникации, превращает дискурс КНР в ключевой фактор конкуренции онтологий в условиях системной трансформации мировой политики.

Актуальность изучения стратегических нарративов определяется рядом факторов. Во-первых, геополитическим сдвигом, выразившимся в углублении кризиса институтов западного доминирования и одновременном усилении роли Китая как создателя новых правил и структур глобального взаимодействия. Во-вторых, теоретической значимостью политических нарративов, обусловленной необходимостью их изучения в качестве «сложных дискурсивных образований», где происходит взаимодействие риторики власти, ее медийной ретрансляции и символического кодирования идей.

Анализ степени разработанности научной проблемы показал, что исследования внешнеполитического дискурса Китая преимущественно концентрируются на выявлении идеологем и бинарных оппозиций в официальной риторике государства. Например, И.Е. Денисов и И.Ю. Зуенко рассматривают внешнюю политику Китая преимущественно через лингвистические приемы и идеологемы (Денисов, Зуенко, 2022). Многие эксперты, в частности А.Д. Воскресенский, Е.С. Васецова, Н. Чжао, при

изучении внешней политики Китая используют теорию мягкой силы, трактующую нарративы как один из инструментов влияния на имидж и общее восприятие страны в мире (Воскресенский, 2004; Васнецова, Чжао, 2022). С.Е. Кривохиж и Е.Д. Соболева обращаются к концепции стратегических нарративов, отмечая, что для всех этапов создания, распространения и восприятия стратегических нарративов КНР характерна вариативность, и полагают, что изучение ее причин является перспективным направлением для будущих исследований (Кривохиж, Соболева, 2023).

Выявленная автором исследовательская лакуна заключается в отсутствии комплексных работ, изучающих эволюцию англоязычных нарративов Си Цзиньпина о международной системе и их адаптацию к глобальным кризисам через призму прагматингвистических особенностей текстов, способных оказывать целенаправленное коммуникативное воздействие на получателя информации. Изучение этой эволюции представляет собой не просто анализ риторики, а исследование смысловых основ, определяющих стратегическое позиционирование КНР в условиях геополитической турбулентности.

Особую проблему представляет анализ англоязычного сегмента коммуникации, где использование языка исторического гегемона для подрыва западной дискурсивной гегемонии формирует парадокс: такие концепты, как «сообщество единой судьбы человечества» («community with a shared future for mankind») осуществляют «семантический захват» терминов либерального интернационализма («cooperation», «rules-based order»), наполняя их содержанием, основанным на абсолютном суверенитете и иерархической полицентричности. С учетом этого исследовательский вопрос работы сформулирован следующим образом: каким образом и с использованием каких прагматингвистических механизмов эволюционировал внешнеполитический дискурс Си Цзиньпина за исследуемый период в интересах конструирования стратегических нарративов Китая о международной системе?

Теория стратегических нарративов

Дискурсивные методики исследований предполагают анализ языковых особенностей этого дискурса. В свою очередь, китайский официальный дискурс накладывает определенные ограничения на исследователей, когда речь идет об описании и анализе официальных документов. Как утверждает Д. Вельдес, для применения лингвистических практик по изучению формирования национальных интересов и внешнеполитического курса важно рассматривать пространства и условия, в которых происходит их формулирование (Weldes, 1999). В дискурсе государства появляется граница между словом и смыслом, когда речь заходит об уникальном китайском опыте и поиске нестандартного пути объяснения внешнеполитического дискурса, который транслируется Пекином на английском языке.

Авторами теории стратегических нарративов являются Л. Розелль, А. Мискиммон и Б. О'Локлин, которые определяют стратегический нарратив как способ конструирования видения прошлого, настоящего и будущего для влияния на поведение акторов как национального, так и международного уровней (Miskimmon, O'Loughlin, Roselle, 2013). Теория стратегических нарративов предполагает три уровня анализа: 1) нарративы международной системы, описывающие устройство современной системы международных отношений, стратегических линий взаимодействия с другими государствами; 2) нарративы идентичности, которые применяются при создании историй о нации, ценностях и мировоззрении внутри государства; 3) проблемные нарративы, раскрывающие политику в отношении определенной проблемы и иллюстрации того, что государство может ее решить.

Обращение в данной работе к стратегическим нарративам о международной системе при рассмотрении внешнеполитического дискурса Председателя Си Цзиньпина в 2013–2024 гг. диктуется фундаментальными особенностями современной геополитической конкуренции. Персоналистский характер политического режима при Си Цзиньпине, достигший высокого уровня концентрации символического капитала и властных полномочий в фигуре лидера, обуславливает уникальную роль его дискурса как основного источника легитимации для внешнеполитической стратегии КНР. В условиях, где ключевые концепты (такие как «сообщество единой судьбы») обретают нормативную силу через их вербализацию и продвижение самим Председателем Си, происходит подавление альтернативных интерпретаций, а традиционные подходы к дискурсу-анализу оказываются недостаточными. Они рискуют редуцировать смыслы до лингвистических паттернов, игнорируя целенаправленное конструирование Пекином альтернативной Западу онтологии международных отношений.

Таким образом, теория стратегических нарративов предоставляет аналитический каркас, концептуализируя нарратив не как пассивное отражение реальности, а как активный инструмент ее онтологического конструирования в борьбе за гегемонию смыслов. Она адекватно отражает персонифицированную природу производства и контроля смыслов при современном китайском

политическом режиме, раскрывает системную логику легитимации его внешнеполитического курса и эксплицирует его конечную геополитическую цель – подрыв западной дискурсивной гегемонии и утверждение альтернативной нормативности в качестве основы нового мирового порядка.

Методологическая основа исследования

Методологический аппарат статьи формируется на принципах интегративного подхода, синтезирующего методы дискурсивного и нарративного анализа с контекстуальной интерпретацией политических процессов, что позволяет достичь комплексного понимания эволюции нарративов о международной системе во внешнеполитическом дискурсе Си Цзиньпина.

Ядро анализа составляет критический дискурс-анализ (КДА), применяемый к корпусу ключевых речей китайского лидера за 2012–2024 гг. При традиционном анализе оценка дискурса часто ограничивается выявлением ключевых тем или языковых конструкций, то есть аналитик фиксирует, как часто встречаются те или иные слова, выражения или метафоры, но не всегда учитывает, каким образом речь используется в качестве инструмента политического воздействия, влияющего на поведение аудитории и формирование международной повестки. Главная цель критического дискурс-анализа – выявить, как воспроизводятся и легитимируются социальное неравенство, власть и идеология. Формирование корпуса речей Председателя Си осуществлялось целенаправленно с официальных сайтов главного теоретического журнала Коммунистической партии Китая (КПК) «Цюши» (Qiushi) и государственного информационного агентства «Синьхуа» (Xinhua) – ключевых рупоров официальной позиции КНР.

В целях репрезентативности и обеспечения сравнительного анализа этот корпус был структурирован по трем хронологическим периодам, соответствующим ключевым этапам эволюции внешнеполитического курса: 2013–2017 гг. (становление концепций), 2018–2020 гг. (активизация и развитие в условиях меняющейся глобальной обстановки) и 2021–2024 гг. (консолидация и адаптация в постпандемическом контексте). Отбор текстов производился по критерию их ориентации на внешнюю аудиторию, при этом в окончательную выборку вошли выступления на международных площадках (в ООН, Всемирной торговой организации, форуме «Боао» и др.), обращения к иностранным гражданам и выступления Председателя КНР в рамках программ зарубежных визитов. Общий объем исследованного корпуса составил 124 речи, что обеспечило достаточный материал для анализа.

В рамках КДА основной фокус был направлен на выявление базовых идеологем и стратегий аргументации, конституирующих смысловое поле китайского видения миропорядка. Процедура выявления идеологем (таких как «сообщество единой судьбы человечества», «взаимовыгодное сотрудничество», «новая модель международных отношений») включала следующие этапы контент-количественного анализа текстов:

1. формирование корпуса текстов: отбор публичных речей Си Цзиньпина за исследуемый период, их разбивка по временным блокам (2013–2017, 2018–2020, 2021–2024 гг.), что соответствует значимым политическим и институциональным переходам в международных отношениях;
2. предварительный качественный анализ содержания речей: на его основе был сформирован список ключевых слов и концептов (таких как *мир*, «*Пояс и путь*», *будущее*, *многосторонность*, *Африка*, *BRICS* и др.), выражающих ключевые идеологемы¹ системных нарративов;
3. применение методов автоматизированного поиска: тексты выступлений были обработаны с помощью программных инструментов анализа текста Google Cloud Natural Language API для выявления наиболее часто упоминаемых слов и концептов;
4. интерпретация результатов: выраженные в процентах результаты упоминания ключевых идеологем по периодам (табл. 1) позволяют проследить динамику изменения внешнеполитических приоритетов и провести описанный в статье критический дискурс-анализ с целью зафиксировать эволюцию нарративов о международной системе в официальном дискурсе.

В отличие от традиционных подходов к дискурс-анализу, чаще всего фокусирующихся на лингвистических структурах, повторяющихся паттернах, риторических особенностях и семантическом анализе текста, метод нарративного анализа в политологии выходит за пределы изучения языка как такового, уделяет основное внимание исследованию того, как через сообщения и выступления производится, воспроизводится и легитимируется картина международной системы, коллективной идентичности и политических целей.

¹ Идеологема – часть идеологии, выраженная в виде конкретного слова, фразы или концепта, которая несет в себе идеологически маркированное значение и служит для формирования определенной системы взглядов.

**Динамика упоминания ключевых идеологем во внешнеполитических речах
Си Цзиньпина (2013–2024 гг.)**

Период, гг.	Количество речей	Выявленные ключевые идеологемы	Частота использования ключевых идеологем, %
2013–2017	27	Сообщество единой судьбы	11
		Мир	33
		«Пояс и путь»	15
2018–2020	20	Многосторонность	29
		Взаимная выгода	30
		Сообщество единой судьбы	18
2021–2024	77	Сообщество единой судьбы	39
		Взаимоуважение	21
		Модернизация по-китайски	17

При этом в рамках нарративного анализа особое внимание в работе уделялось его прагматингвистическим аспектам², включая изучение прецедентных текстов (исторических аллюзий, цитат из классической литературы), что позволило выявить механизмы конструирования убедительных аргументов и легитимации предлагаемых Китаем моделей глобального взаимодействия. Далее мы рассмотрим основные выявленные нами стратегические нарративы Си Цзиньпина о международной системе и ход их трансформации за период исследования.

Сообщество единой судьбы (2013–2017 гг.)

Определяющим событием для формирования внешнеполитического дискурса при Си Цзиньпине стало широкое использование концепции «сообщества единой судьбы для человечества». Впервые эта фраза была использована бывшим Генеральным секретарем КПК Ху Цзиньтао, но только с приходом к власти нынешнего Генерального секретаря Си Цзиньпина она стала использоваться в качестве самостоятельного концепта³. Уже 15 ноября 2012 г. он заявил, что международное сообщество все больше приобретает единые черты и общую судьбу, а также выразил надежду на взаимопонимание между Китаем и остальным миром⁴. Позднее Си стал использовать эту идею на международной арене, например, в выступлении в Московском государственном институте международных отношений в марте 2013 г., а также в речи на Всемирном экономическом форуме в Давосе (Швейцария) в январе 2017 г., что, по оценке китайских экспертов, «принесло ему высокий кредит доверия как в стране, так и за рубежом»⁵. При этом с ростом случаев использования этого термина в публичных выступлениях председателя КНР в переводе на английский язык чаще стало использоваться менее обязывающее словосочетание «shared future» («совместное будущее»), а не «common destiny» («единая судьба»).

За 2013–2017 гг. можно выделить несколько ключевых ремарок Си Цзиньпина о том, чем является концепция «сообщества единой судьбы», которые мы рассмотрим ниже. Первая речь 28 сентября 2015 г. «Совместная работа по формированию нового партнерства взаимовыгодного сотрудничества и созданию сообщества общего будущего для человечества»⁶ подчеркивает призыв к всеобщему миру и

² Прагматингвистический анализ изучает, как смысл текста создается и интерпретируется в контексте коммуникации, фокусируясь на намерении выступающего, восприятии аудитории и использовании языка для достижения целей. Он выходит за рамки буквального значения, учитывая, как языковые средства используются для передачи скрытых смыслов и как контекст влияет на понимание.

³ Gao, Ch. (2017) «A Community of Shared Future»: One Short Phrase for UN, One Big Victory for China? [online], *The Diplomat*, 5 November. Available at: <https://thediplomat.com/2017/11/a-community-of-shared-future-one-short-phrase-for-un-one-big-victory-for-china/> (accessed: 3 July 2025).

⁴ Xi, J. (2012) Xi Jinping's first public address [online], *CNN*, 15 November. Available at: <https://edition.cnn.com/2012/11/15/world/asia/china-xi-jinping-speech/index.html> (accessed: 4 July 2025).

⁵ Gao, Ch. (2017) "A Community of Shared Future": One Short Phrase for UN, One Big Victory for China? [Электронный ресурс], *The Diplomat*, 15 ноября. URL: <https://thediplomat.com/2017/11/a-community-of-shared-future-one-short-phrase-for-un-one-big-victory-for-china/> (дата обращения: 29.12.2025).

⁶ Xi, J. (2015) Statement by H.E. Xi Jinping President of the People's Republic of China At the General Debate of the 70th Session of the UN General Assembly, China International Development Cooperation Agency [online]. Available at: http://en.cidca.gov.cn/2015-09/29/c_260437.htm (accessed: 4 July 2025).

направлена на объединение наций под эгидой общих гуманистических ценностей. С учетом того, что речь Си имеет достаточно общий посыл и инклюзивный тон, в качестве места презентации концепции «сообщества общего будущего для человечества» была выбрана международная площадка Генеральной Ассамблеи ООН. Можно предположить, что ее целью являлось представление этой концепции как объединяющего видения для мобилизации международной поддержки вокруг общих идеалов мира, справедливости и правосудия. Такие выражения, как *let us unite ever more closely* (давайте объединимся еще ближе) имеют универсально привлекательный идеалистический контекст и язык, чтобы представить Китай как партнера, стремящегося к миру на всей планете (Tsang, Cheung, 2024: 16).

Риторика в отношении «сообщества единой судьбы» в 2017 г. достигла своего апогея, когда Председатель Си произнес четыре значимые речи (17 января 2017 г. в Давосе, 18 января 2017 г. в Женеве, 3 сентября 2017 в Сямэне и 18 октября 2017 г. в Пекине). Они в полной мере продемонстрировали смысл, вкладываемый в эту концепцию и отношение государства к ней как весьма значимому нарративу (Пятачкова, 2025). В речи в ООН Си описал принципы, лежащие в основе «общей судьбы человечества»: укрепление ООН как высшего органа в международных делах, невмешательство во внутренние дела государств и демократизацию международных отношений, которую Си противопоставил «гегемонизму одной страны» или «совместному управлению несколькими странами»⁷. В результате постоянных усилий китайского правительства в 2017 г. фраза «сообщество единой судьбы» была включена в резолюцию Комиссии ООН по социальному развитию и ряд других документов ООН. Однако уже в 2018 г. жесткое противодействие США привело к удалению данной фразы из большинства проектов резолюций этой организации.

Выступления Си Цзиньпина на полях бизнес-форума БРИКС также не оставляют сомнений о ключевом изменении контекста повествования о «сообществе единой судьбы»: от абстрактных идеалов сотрудничества внешнеполитический дискурс Китая переходит к аргументации, основанной на экономических реалиях и исторических тенденциях. В речи в Давосе Си защищает глобализацию на фоне растущих в мире популистских настроений и критики мировой торговли, в том числе со стороны президента США Дональда Трампа. Метафора «океана» подчеркивает неизбежность взаимосвязанных экономик и предостерегает от изоляционистских тенденций: «*Нравится вам это или нет, мировая экономика – это большой океан, из которого вы не можете убежать*» (ориг. *Whether you like it or not, the global economy is the big ocean that you cannot escape from*).

К 2017 году системный нарратив был окончательно сформирован вокруг идеи глобального лидерства Китая и его миссии в создании международного порядка, а «сообщество единой судьбы» стало не просто метафорой мира и процветания, но и китайского видения будущего мира, в котором он позиционирует себя как стабилизирующую глобальную силу. В целом в 2013–2017 гг. формирование и продвижение внешнеполитического дискурса Китая характеризовалось несколькими паралингвистическими особенностями:

1) использование риторических антитез: усиливается тезис о равенстве стран и противостоянии гегемонии на политической арене, что поддерживается такими фразами, как «*the big, the strong and rich should not bully the small, weak and poor*» (перевод: *большие, сильные и богатые не должны запугивать малых, слабых и бедных*)⁸; подобные акценты усиливают выражение приверженности общечеловеческим идеалам и принципам, определяя нежелательные для государств нормы поведения на мировой арене;

2) использование для передачи легко запоминающихся сообщений, идиом и поговорок, которые зачастую приписываются или ассоциируются с древними философами, что добавляет повествованию сакральность и возвышенность, например: «*океан огромен, потому что он принимает все реки*», «*как говорится в поговорке, вместе мы выстоим, порознь мы падём*» и т.д.

Таким образом, мы можем утверждать, что 2013–2017 гг. стали периодом становления и расцвета концепции «сообщества единой судьбы», ставшей ключевым системным нарративом для внешней политики Китая. С одной стороны, этот нарратив призывает к новой системе международных отношений, в которой все акторы смогут участвовать в разработке и принятии решений. С другой – Китай в этой системе играет особую роль, так как именно он способствует созданию сообщества и демонстрирует на собственном примере, какую пользу это может принести другим участникам. При этом для Пекина цели распространения данного нарратива были реализованы лишь частично: ему удалось

⁷ Xi, J. (2017) Work Together to Build a Community of Shared Future for Mankind [online], *Qiushi Journal*. Available at: http://en.qstheory.cn/2021-05/19/c_623968.htm (accessed: 4 July 2025).

⁸ Ibid.

получить кредит доверия и расширить влияние в ряде регионов мира, но при этом китайские политики не были достаточно убедительными, чтобы большинство стран мира в качестве ключевой концепции мироустройства приняли связанность наций при главенстве Пекина.

Ключевыми тезисами, получившими наибольшее развитие и оказавшими влияние на формирование нарратива в данный период, стали: 1) международная система должна быть равноправной и многополярной; 2) экономика является основой многостороннего сотрудничества, основанного на взаимном уважении; 3) Китай играет роль глобального лидера и защитника мирового порядка.

Китай – глобальный лидер (2018–2020 гг.)

После речи Си Цзиньпина в 2017 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе, где он выступил в защиту глобализации и свободной торговли, подчеркнув, что Китай готов взять на себя ответственность за поддержание международного порядка, его внешнеполитический дискурс претерпел значительные изменения, в первую очередь из-за уже упомянутой проблемы непринятия нарратива «об общей судьбе» в ООН. Ключевой идеей Си Цзиньпина, влияющей на формирование дискурса, становится мирное развитие при сохранении национальных интересов. При этом Ш. Фейрли в 2020 г. охарактеризовал эволюцию китайского нарратива о международной системе тезисом Си Цзиньпина о том, что «без Китая глобальное процветание невозможно» (Fairlie, 2020).

Выделяемый в работе второй период эволюции внешнеполитического нарратива Китая можно назвать переходным от миролюбивого союзника к выгодному и равному партнеру. Такая формулировка объединяет, с одной стороны, объективное стремление реализовать свои государственные интересы, а с другой – идеологию Председателя Си, стремящегося акцентировать внимание на необходимости реформирования международной системы в сторону ее большей сбалансированности.

Еще одной новой тенденцией для дискурса становится активное использование в качестве устойчивых лексем названий политических и экономических объединений (в первую очередь БРИКС), и инициативы «Пояс и путь» (Belt and Road Initiative – BRI). Данная тенденция тесно связана с формированием системного нарратива Китая, нацеленного на разработку альтернативного пути мирового развития и предлагающего данные проекты в качестве независимых от Западного влияния международных политико-экономических институтов и инициатив. За указанный период было проведено два саммита БРИКС: в ЮАР в 2018 г. и в Бразилии в 2019 г. Ключевой для продвижения нарратива «о глобальном лидерстве» Китая стала речь Председателя КНР на саммите БРИКС в Бразилии, названная «Вместе для новой главы в сотрудничестве БРИКС». В ней он презентовал широкий спектр инструментов и механизмов, которые Китай применяет для укрепления мира, основанного на равном партнерстве⁹.

Помимо собственных финансовых институтов, Китай финансирует проекты BRI через Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АИВ) и Новый банк развития (НБР). В последние годы правительства западных стран, в частности США, проявляют осторожность в отношении подобных политических и финансово-экономических инструментов Китая, оценивая его содействие развивающимся странам как действия «ревизионистской державы» и важнейший вызов для безопасности США. Это привело к ряду ограничительных мер в отношении Китая в сфере высоких технологий, таких как исключение Huawei Technologies из стандартов связи 5G, обвинение Пекина в «валютной манипуляции» и др.

В 2017–2019 гг. формируемый Китаем нарратив стал особо привлекателен для государств, стремящихся получить финансирование для развития своей инфраструктуры в рамках BRI. Уже к 2017 г. этот крупнейший инфраструктурный проект объединил транспортные пути более 68 стран, производящих около 40 % мирового ВВП¹⁰. Так, 10 июня 2018 г. на заседании Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) Си Цзиньпин выступил с речью «Продвигая Шанхайский дух для создания сообщества с общим будущим», где отметил, что Китай и партнеры должны продолжить развивать сотрудничество в рамках инициативы «Пояса и пути»¹¹. Растущее экономиче-

⁹ Китайский план развития сплотит БРИКС (2019) [Электронный ресурс], *Российская газета*, 15 ноября. URL: <https://rg.ru/org/companies/smi/mediachina> (дата обращения: 5 July 2025).

¹⁰ Khan, N.A. (2023) China's Belt and Road Expanding Global Trade [online]. Available at: <https://www.thedailynews.com/china-belt-and-road-expanding-globaltrade/> (accessed: 5 July 2025).

¹¹ Xi, J. (2018) Carrying Forward the Shanghai Spirit to Build a Community with a Shared Future [online], *Xinhua*. Available at: <http://en.people.cn/n3/2018/0611/c90000-9469744.html> (accessed: 5 July 2025).

ское влияние Пекина, как отмечает Г.Д. Ронсли, сопровождается укреплением его внутренней уверенности, базирующейся на активном взаимодействии страны со странами мира и ее приверженности «расширению международной деятельности и программ» (Rawnsley, 2019).

В выявленный период в дискурсе Си Цзиньпина для формирования альтернативной онтологии миропорядка активно используются различные прагматингвистические приемы. Ключевым из них можно назвать наполнение заимствованных из либерального дискурса терминов новым содержанием. Так, например, «rules-based order» трактуется как «правила, навязанные меньшинством» (т.е. Западом), что подчеркивает их «нелегитимность» и «несправедливость»¹², а часто используемое слово «cooperation» смещает акцент с равноправного партнерства на иерархическое взаимодействие под эгидой Китая («win-win» как признание лидерства КНР).

В отличие от нарратива о «сообществе единой судьбы», пытающегося убедить мировое сообщество в уникальности и значимости китайского пути, нарратив «о глобальном лидерстве» не пытается его доказать, а, скорее, информирует о собственных успехах и возможностях для взаимодействия. Принципиально важными при продвижении нарративов Си Цзиньпина в этот период стали повторяющиеся тезисы о том, что Китай предлагает странам мира: 1) лучшую, чем американская, глобальную модель управления; 2) уникальную систему устойчивого экономического развития; 3) критически важное деловое партнерство на основе модели сотрудничества «win-win».

Реакция на международные и внутренние вызовы (2020–2024 гг.)

В 2020–2024 гг. под действием сочетания геополитических сдвигов, меняющихся экономических приоритетов и других факторов, ключевые нарративы во внешней политике Китая претерпели очередную трансформацию. Системные нарративы, сформулированные ранее в условиях быстрого экономического роста, с 2020 г. начали менять свой фокус и развиваться как ответ на вставшие перед страной острые внутренние и внешние вызовы, включая мировую пандемию COVID-19 и усиливающееся соперничество с США.

В первую очередь следует отметить значимость упоминания в выступлениях Си Цзиньпина в этот период лексемы «COVID». Китай был первой страной, сообщившей о случаях пандемии COVID-19 Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), что согласуется с его концепцией «сообщества единой судьбы человечества». Высшее руководство Китая публично подчеркивало важность международного сотрудничества в борьбе с COVID-19 для защиты общественного здравоохранения в мире путем активного взаимодействия с многосторонними институтами (ООН, ВОЗ и др.), странами G20, а также предоставления финансовой и другой помощи странам, пострадавшим от глобальной пандемии¹³. Так, 22 сентября 2020 г. Председатель Си отметил, что Китай активно участвует в международной борьбе с пандемией и намерен выделить более 50 миллионов долларов США Глобальному плану гуманитарного реагирования ООН на COVID-19¹⁴.

В другом выступлении Си Цзиньпин также характеризует экономические достижения Китая как помощь мировому сообществу: «Китайская экономика неуклонно набирает обороты, о чем свидетельствует положительный общий рост за первые три квартала, включая рост внешней торговли на 0,7 % и рост оплаченных иностранных инвестиций на 5,2 %, что является важным вкладом в экономическое восстановление в мире»¹⁵. Дискурс Пекина вокруг COVID-19 чертами и тоном повествования во многом схож с риторикой о «сообществе единой судьбы» и нацелен на демонстрацию другим акторам значимости Китая. Однако некоторые эксперты предупреждают, что риторика «сообщества» может рассматриваться как завуалированная попытка продвижения китайских ценностей и моделей управления в качестве мирового стандарта. Так, например, Дэвид Шамбо отмечает, что, хотя Китай стремится продвигать многосторонность, его напористость в таких регионах, как Гонконг и Синьцзян, может подорвать его нарратив о мирном мировом лидерстве (Shambaugh, 2021).

¹² Gewirtz, P. (2024) China, the United States, and the future of a rules-based international order [online], *Brookings*. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/china-the-united-states-and-the-future-of-a-rules-based-international-order/> (accessed: 5 July 2025).

¹³ Xi, J. (2020) Statement by H.E. Xi Jinping President of the People's Republic of China At the General Debate of the 75th Session of The United Nations General Assembly [online], *Qiushi Journal*. Available at: http://en.qstheory.cn/2020-09/23/c_538398.htm (accessed: 5 July 2025).

¹⁴ Xi, J. (2020) Keynote Speech by H.E. Xi Jinping President of the People's Republic of China At the Opening Ceremony of The Third China International Import Expo [online], *Qiushi Journal*. Available at: http://en.qstheory.cn/2020-11/05/c_561010.htm (accessed: 5 July 2025).

¹⁵ Ibid.

Другой значимый акцент в меняющемся внешнеполитическом дискурсе Пекина в этот период ставится на концепт «безопасность». Данная рамка дискурса, с одной стороны, отражает нарастающую конфронтацию с США, а с другой – знаменует значимый виток в развитии внешнеполитического нарратива Си Цзиньпина, выразившийся в переходе от продвижения политики широкого сотрудничества к проблематике обеспечения международной безопасности. Среди ключевых тем в китайском дискурсе о безопасности все большую значимость приобретает характеристика США как стратегического конкурента и дестабилизирующей силы в мировой политике и экономике. Как отмечал посол США в КНР Н. Бернс, внешнеполитический нарратив Китая в ответ на риторику США сосредоточен на защите своего подъема и оспаривании западного представления о Китае как глобальной угрозе, что априори делает два государства системными соперниками¹⁶.

Это соперничество также породило острый дискурс вокруг технологической самостоятельности и инноваций Китая. По оценке представителя Гонконга Иветты То, технологическая гонка является не только вопросом экономического роста, но и геополитическим инструментом в глобальной стратегии Китая¹⁷. Важно отметить, что в рассматриваемый период Си отказался от предыдущей риторики, когда Китай в большинстве случаев избегал бросать вызов США. Начиная с 2020 г., китайские официальные лица стали все чаще заявлять о том, что теперь они видят в США «равного» себе актора¹⁸. При этом в контексте нарастающего соперничества с США Китай испытывает недостаток дискурсивной силы, а сохранение западной «дискурсивной гегемонии» препятствует развитию и реализации его национальных интересов. С 2023 г. в КНР стало употребляться понятие «дискурсивный суверенитет», во многом требующее от СМИ использовать национально-ориентированные трактовки геополитики. Этот значимый прагматингвистический прием знаменует усиление наступательной позиции Китая в дискурсе с Западом¹⁹.

Таким образом, анализ речей Си Цзиньпина в 2020–2024 гг. выявил новый виток в эволюции внешнеполитического дискурса Китая. Продемонстрировавшая его экономическую устойчивость пандемия COVID-19 стала катализатором для продвижения концепции об усилении роли Пекина в глобальном управлении, когда обвинения Запада в его адрес спровоцировали контрнарратив о «системном провале западной модели управления» и необходимости международной солидарности под эгидой ООН. Одновременно нарастающее соперничество с США и усиление Китаем акцента на безопасности отражают его переход к более конфронтационной позиции с Западом.

Основными тезисами для продвижения китайского внешнеполитического нарратива в указанный период стали: 1) Пекин как альтернативный центр силы, выступающий против гегемонии Запада; 2) технологические возможности и вопросы безопасности – основные сферы сотрудничества и создания союзов между государствами (без или минимальном участия стран Запада); 3) для противодействия западной «дискурсивной гегемонии» необходимо укрепление «международной дискурсивной силы» Китая.

Результаты исследования

В ходе исследования выявлены ключевые нарративы о международной системе во внешнеполитическом дискурсе Си Цзиньпина, каждый из которых доминировал в определенный период, характеризовался собственными акцентами (цель, фокус, тон и др.), а также особенностями отношения к Западу (их сравнительный анализ представлен в табл. 2).

¹⁶ Tang, D. (2023) US-China Relations Are Defined by Rivalry but Must Include Engagement, American Ambassador [online], *Associated Press*. Available at: <https://apnews.com/article/nicholas-burns-china-ambassador-95cf351a74e6fb30e6b87879f4549ba1> (accessed: 6 July 2025).

¹⁷ To, Y. (2021) Rethinking China's Strategy of Technological Independence [online], *Georgetown Journal of International Affairs*. Available at: <https://gija.georgetown.edu/2021/06/22/rethinking-chinas-strategy-of-technological-independence/> (accessed: 6 July 2025).

¹⁸ Wei, L., Davis, B. (2021) China's Message to America: We're an Equal Now [online], *The Wall Street Journal*. Available at: <https://www.wsj.com/world/china/america-china-policy-biden-xi-1161789617> (accessed: 6 July 2025).

¹⁹ Кашин, В. (2023) Китай и дискурсивная сила [Электронный ресурс], *РСМД*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-i-diskursivnaya-sila/> (дата обращения: 6 July 2025).

Эволюция и особенности системных нарративов Китая

Период формирования и продвижения нарратива, гг.	Выявленные системные нарративы	Фокус	Тон	Цель	Отношение к Западу
2013–2017	<i>Сообщество единой судьбы</i>	Сотрудничество и создание новой системы международных отношений	Оптимистичный, кооперативный	Убедить мир в необходимости новой системы устройства	Нейтральное, с акцентом на сотрудничество
2018–2020	<i>О глобальном лидерстве Китая</i>	Утверждение Китая как глобального лидера	Уверенный, амбициозный	Утвердить Китай как мирового лидера	Более уверенное, с акцентом на лидерство
2020–2024	<i>Альтернативный от Запада центр силы, международная дискурсивная сила</i>	Защита своих интересов и противостояние западному влиянию	Оборонительный, настороженный	Защитить интересы Китая в условиях конкуренции	Конфронтационное, с акцентом на противостояние западной гегемонии

Результаты работы свидетельствуют, что за период исследования внешнеполитический дискурс Си Цзиньпина эволюционировал, отражая изменения в международной обстановке и внутренние приоритеты Китая, от идеи «сообщества единой судьбы» к акценту на глобальное лидерство и, наконец, к концепту о необходимости защиты своих интересов перед лицом западного влияния. На первом этапе формирования нарратива активно продвигалась концепция «сообщества единой судьбы» в интересах создания устойчивых связей между Китаем и его международными партнерами с акцентом на общем интересе в политическом, экономическом и социальном развитии, в том числе путем реализации инициативы «Пояса и пути». На втором этапе во внешнеполитическом нарративе произошел сдвиг в сторону глобального лидерства Китая и продвижения собственной модели глобального управления и экономического развития для стран, разочаровавшихся в традиционном либеральном миропорядке под руководством США.

В заключительный период как следствие нарастающей международной напряженности и углубляющейся конкурентной борьбы между Китаем и Западом китайский дискурс сместился в сторону проблематики безопасности и защиты национальных интересов. Его ключевые нарративы обосновывали необходимость формирования альтернативного от Запада центра силы и укрепления международной дискурсивной силы Пекина. Эволюция прагматингвистических стратегий в дискурсе Си Цзиньпина также отражает качественную трансформацию от конструктивного универсализма к оборонительной конфронтационности. Если в 2013–2017 гг. доминировали метафоры «строительства» и «гармонии», легитимирующие экономическую экспансию через позитивную семантику, то к 2018–2020 гг. акцент сместился на семантический перехват либеральных терминов (*rules-based order*). Наконец, в 2020–2024 гг. китайская риторика во многом приняла оборонительный характер, завершив, с опорой на идеологическую мобилизацию (дискурсивная сила), переход от превалирования средств «мягкой силы» к семиотической обороне суверенитет

Заключение

Выявленные китайские нарративы о международной системе («сообщество единой судьбы», «о глобальном лидерстве», «альтернативный Западу центр силы», «международная дискурсивная сила») формируют внешнеполитический дискурс и создают образ Китая как страны, стремящейся к мирному сосуществованию, эффективному взаимодействию с партнерами и вносящей большой вклад в укрепление мировой экономики. Эволюция нарративов отражает стратегический сдвиг КНР: от интеграции в либеральный миропорядок – к обоснованию с помощью прагматингвистического перекодирования

дискурса, необходимости его демонтажа и создания альтернативного центра силы. При этом нарративы трансформируются в зависимости от поставленных целей развития страны и изменений международной обстановки, а ключевые идеологемы дискурса обретают доктринальный статус через их персональную вербализацию Си Цзиньпином. С учетом призыва лидера КНР к более активной роли Пекина на международной арене и укреплению «международной дискурсивной силы» Китая, важным для лучшего понимания изменений внешнеполитической стратегии страны представляется дальнейшее изучение особенностей его официального дискурса.

Список литературы / References

- Васецова, Е. С., Чжао, Н. (2022) 'Оценка «мягкой силы» КНР в работах российских и китайских ученых: сравнительный анализ', *Международная жизнь*, 5, сс. 90–97. [Vasetsova, E. S., Zhao, N. (2022) 'Assessment of China's Soft Power in the Works of Russian and Chinese Scholars: A Comparative Analysis' [Otsenka 'myagkoj sily' KNR v rabotakh rossijskikh i kitajskikh uchenykh: sravnitel'nyj analiz], *Mezhdunarodnaya Zhizn'*, 5, pp. 90–97. (In Russ.)]. EDN: GVLWUA.
- Воскресенский, А. Д. (2004) *Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимодействий*. Москва: Восток – Запад, 600 с. [Voskresenskiy, A. D. (2004) *China and Russia in Eurasia: Historical Dynamics of Political Interactions* [Kitaj i Rossiya v Evrazii: istoricheskaya dinamika politicheskikh vzaimovliyanij]. Moscow: Vostok–Zapad, 600 p. (In Russ.)].
- Денисов, И. Е., Зуенко, И. Ю. (2022) *От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР*. Москва: МГИМО – Университет МИД России, 24 с. [Denisov, I. E., Zuenko, I. Yu. (2022) *From Soft Power to Discursive Power: New Ideologemes of China's Foreign Policy* [Ot myagkoj sily k diskursivnoj sile: novye ideologemy vneshnej politiki KNR. Moscow: MGIMO–Universitet MID Rossii, 24 p (In Russ.)].
- Кривохиж, С. В., Соболева, Е. Д. (2023) 'КНР и борьба за дискурсивную гегемонию: роль стратегических нарративов', *Вестник международных организаций*, 2, сс. 178–192. [Krivokhizh, S. V., Soboleva, E. D. (2023) 'China and the Struggle for Discursive Hegemony: The Role of Strategic Narratives' [KNR i bor'ba za diskursivnyu gegemoniyu: rol' strategicheskikh narrativov], *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, 2, pp. 178–192. (In Russ.)]. DOI: 10.17323/1996-7845-2023-02-09. EDN: YBJRPH.
- Пятачкова, А. С. (2025) 'Особенности реализации концепции «сообщества общей судьбы» как инструмента дискурсивной силы КНР при Си Цзиньпине', *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 1, сс. 1–15. [Pyatachkova, A. S. (2025) 'The Concept of 'Community of Common Destiny' as an Instrument of Chinese Discourse Power Under Xi Jinping' [Osobennosti realizacii koncepcii "soobshchestva obshchej sud'by" kak instrumenta diskursnoj sily KNR pri Si Czin'pine], *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*, 1, pp. 1–15. (In Russ.)].
- Fairlie, S. F. (2020) *The China Story: A Media Narrative Analysis of Beijing's Global Communications*. Ph.D. diss. Monash University, 254 p.
- Miskimmon, A., O'Loughlin, B., Roselle, L. (2013) *Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order*. 1st ed. New York: Routledge, 240 p.
- Rawnsley, G. D. (2019) 'Communicating Confidence: China's Public Diplomacy', in: Cull, N., Snow, N. (eds.) *The Routledge Handbook of Public Diplomacy*. Routledge: New York, pp. 284–300.
- Shambaugh, D. (2021) *China's Leaders From Mao to Now*. Polity Press, Polity: China's Leaders, 448 p.
- Tsang, S., Cheung, O. (2024) *The Political Thought of Xi Jinping*. Oxford University Press, 294 p.
- Weldes, J. (1999) *Constructing National Interests: The United States and the Cuban Missile Crisis*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 316 p.
- Zhang, M. (2020) 'Dispel Clouds of Pandemic Through Cooperation', *Asia Europe Journal*, 18(2), pp. 197–199. DOI: 10.1007/s10308-020-00583-2. EDN: UUSHPO.

Статья поступила в редакцию: 28.07.2025

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 29.11.2025

Статья принята к печати: 15.01.2026

**THE EVOLUTION OF NARRATIVES ABOUT THE INTERNATIONAL SYSTEM
IN XI JINPING'S FOREIGN POLICY DISCOURSE, 2013–2024**

A. Milkova

Anastasia Milkova, PhD student at the School of Political Science,
National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation.
E-mail: a.milkova@hse.ru (ORCID: 0009-0004-4104-1412).

Abstract

The article is devoted to strategic narratives about the international system in the foreign policy discourse of the President of the People's Republic of China Xi Jinping. An analysis of their evolution revealed the growing influence of Chinese political thought in shaping the modern world order, which is a topic of great academic and practical interest. The paper aims to systematize the stages and study the semantic transformations of key concepts in the vision of the international system presented by the Chinese leader, reflecting Beijing's new priorities in global governance and cooperation. The conducted study reveals the strategic dynamics in official Chinese narratives: from the initial emphasis on globalist universalism and interdependence to the consistent construction of an alternative center of power to the West, based on specific Chinese political values and models. This shift emphasizes the growing role of Chinese political thought in shaping ideas about the modern and future world order, which is of significant academic and practical interest. In conclusion, the importance of further studying the peculiarities of constructing the official discourse of the Chairman of the PRC for understanding both the country's foreign policy and its adaptation to the changing strategic agenda in the world as a whole is emphasized.

Keywords: Xi Jinping; foreign policy; international system narratives; global governance; China; community of common destiny; discourse analysis.